

*УБИЙСТВО
ПО ЛЮБВИ*

КАМБРИЯ БРОКМАН

СКАЖИ МНЕ ВСЁ

Москва
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б88

Cambria Brockman
TELL ME EVERYTHING

TELL ME EVERYTHING © 2019 by Cambria Brockman

Фотография автора на форзаце:

Ross Brockman

Брокман, Камбрия.

Б88 Скажи мне все / Камбрия Брокман ; [перевод с английского М. В. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-109773-8

«Притворяйся», — всегда учил ее отец. Для нее это стало заклинанием. Притворяйся хорошей и правильной. Дружелюбной и искренней. Заводи друзей. Именно они помогут тебе идти дальше, веря, что ты любишь их. И пусть никто никогда не узнает, какая ты есть на самом деле...

Малин, поступившая на первый курс престижного колледжа Хоторн, принята в компанию «золотой молодежи». Здесь общаются лишь с себе подобными — веселыми и беззаботными отпрысками богатых семей. Здесь закладываются будущие связи. Поэтому Малин крайне важно, чтобы никто не узнал ее секреты, прошлые и настоящие. А ей есть что скрывать... Зато необходимо узнать как можно больше секретов своих новых друзей. Кто предупрежден — тот вооружен. Вот только с оружием надо обращаться крайне осторожно...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109773-8

Для Ло

Часть I

ХОТОРН-КОЛЛЕДЖ

*Хоторн-колледж, День Выпускника,
29 января 2011 года*

Для нас всё заканчивается.
Голос в глубине моего разума:
«Прыгай».

Я делаю частые, неглубокие вдохи, грудь моя вздымается. Над нами угрожающе собирается снежная буря, воздух холодит до костей. Стоячая черная вода под нами шепчет наши имена, ей не терпится просочиться в поры нашей кожи. Мы дышим тяжело и ровно, наше горячее дыхание плотными облачками клубится у нас над головами. Даже если б мы хотели убежать, то не смогли бы.

Хор голосов становится громче. Мы, все шестеро, беремся за руки и неуклюжими пьяными движениями придвигаемся ближе друг к другу — плечом к плечу. Холод обжигает наши полунагие тела. Светлые тонкие волоски на моих руках становятся дыбом, точно тянутся к тучам. Джемма и Халед вдыхают, выдыхают — нервно, боязливо.

«Прыгай».

Я закрываю глаза и чувствую тонкие пальцы Руби, плотно сплетенные с моими. Макс, стоящий по другую сторону от меня, ободряюще сжимает мою ладонь.

Джон, высокий и спокойный, начинает отсчет. Пытается обмануть нас, заставить забыть, что нам предстоит окунуться в ледяное озеро. Его уверенность скрепляет нашу решимость — теперь назад пути нет.

— Четыре, три...

Я сохраняю спокойствие, в голове у меня звучит голос отца. Мои глаза закрыты, шум окружающего мира становится тише, и я вижу, как отец наклоняется, шепча мне на ухо. Он высаживает меня возле колледжа, прощаясь со своим единственным ребенком. Он должен покинуть свою дочь, чтобы первые самостоятельные шаги, которые она предпримет в жизни, были правильными. Это мудро. Позади него я смутно вижу свою мать. Она с тоской смотрит на толпу прибывающих новичков, ее губы сжаты в скорбную линию. Я знаю, что она в основном обращает внимание на парней — веснушчатых, с торчащими прядями песочно-русых волос. Мать хотела бы увидеть в этой толпе моего брата; потом она поворачивается ко мне, и горестный очерк губ медленно переламывается, складываясь в вынужденную улыбку. Мой отец подается ближе, его пальцы обхватывают мою руку выше локтя. Он привлекает мое внимание. Хватка у него крепкая, но это не беспокоит меня. Он произносит только одно слово, а потом отстраняется, вглядываясь в мое лицо. Я знаю: он пытается понять, дошло ли до меня сказанное им, — поэтому киваю. Я следую его намекам, как послушное чадо. Мои родители идут через парковку, садятся в машину и уезжают в аэропорт. Когда они прилетают в мой родной город, жаркий и сырой, когда входят в свой опустевший дом, то слово, которое отец шепнул мне, продолжает звучать у меня в голове. Оно определяет каждый мой поступок на грядущие годы, задает ритм пульсации моего сердца.

Я чувствую, как меня тянут за руку, и широко распахиваю глаза.

— Два...

«Прыгай».

Голос Джона становится громче и повелительнее.

— Один!

Наши тела делают рывок вперед и вверх.

На долю секунды мы зависаем в воздухе, и мне хочется, чтобы мы так и остались. Мои друзья визжат и ежатся, в их криках я различаю восторг. Они так долго ждали своей очереди на этот прыжок... После четырех лет в глуши штата Мэн мы наконец-то пришли к этому. Это то, что каждый год совершают выпускники колледжа. Это то, за чем наблюдает каждый новичок, второкурсник, предвыпускник.

Три года назад мы видели Прыжок в первый раз — сбившись в тесную кучку и передавая друг другу фляжку, наполненную дешевой водкой. Она обжигала наши глотки, но в животе разливалось приятное тепло. Прыжок означает, что твоя учеба в Хоторн-колледже подходит к концу. Наше замечательное обучение гуманитарным наукам почти завершено. Прорубь во льду символизирует ритуальное прохождение некоего этапа, начало конца. Это невозможно объяснить посторонним, студентам других колледжей, даже нашим родным. Это только наш ритуал, и мы собственнически относимся к его странной сути.

До нас доносится гром аплодисментов и приветственные крики. Наши сокурсники наблюдают. Я знаю, что они всматриваются в наши лица, видя одновременно ужас и радость, смешивающиеся в ледяной воде. Я хорошо понимаю, что этой традицией полагается наслаждаться, и взвизгиваю, когда мои босые ступни погружаются в черную полынью.

Холодная вода словно пронзает мою кожу тысячами кинжалов, и, когда я погружаюсь глубже, шок заставляет мое тело отказаться от борьбы. Я закрываю глаза, окунаясь в мутную воду, голоса становятся далекими и глухими.

Я чувствую рывки, когда мои друзья бьют ногами, чтобы выбраться из озера на лед; они спешат согреться. Тишина зовет меня — покой и беззвучие. Именно там мне и надлежит быть.

Я слышу голос Руби — она зовет меня по имени. Но этот голос звучит слишком далеко. Сквозь поверхность воды я вижу движение вверх, надо мной. Вода размывает лицо Руби на отдельные штрихи. Ее руки прижаты к груди, бедра крепко сжаты в попытке сохранить остатки тепла.

— Малин! — зовет она; голос у нее испуганный, он вырывается из рта пузырями.

Я заставляю свои руки и ноги действовать слаженно, толкая тело вверх. Только когда прорываю поверхность воды и хватаю воздух ртом, ко мне возвращается дыхание. Подплываю к неровному краю проруби и хватаюсь одной рукой за потрескавшийся лед. Зима нынче ужасно холодная, но снега пока еще практически нет.

Руби вытаскивает меня из воды, зубы ее стучат от холода. Макс стоит на коленях позади нее, поддерживая одной рукой за спину, а вторую руку протягивая мне. Он хватается мою скользкую от воды ладонь и вытягивает меня наверх, через зубчатый край полыньи. Я вижу других: Джона, Джемму, Халеда — они, оскальзываясь, бегут к берегу озера, расхватывая полотенца и термосы с горячим шоколадом. Воздух пропитан запахом алкоголя и «травки» — и восторгом от исполнения традиции. Я слышу смех и громовые приветствия тем, кто завершил свой Прыжок. Моя кровь циркулирует с удво-

енной скоростью, пытаюсь согреть тело, пальцы на ногах посинели, волосы, заплетенные в косу, смерзлись намертво. Я окидываю взглядом берег, чтобы отыскать тот куст, под которым оставила свою одежду. Все болтают и смеются, клацают зубами и растягивая в улыбке фиолетовые губы. Руби обнимает меня; наша кожа, покрытая здоровенными мурашками, соприкасается. Я улыбаюсь ей и остальным, и мы вместе идем к берегу, оставляя за спиной прорубь. Руби говорит мне что-то, но ее голос ускользает от моего слуха. Я заворачиваюсь в полотенце и направляюсь к костру. Стараюсь делать вид, будто слушаю ее. Мне слишком холодно, чтобы говорить, но я, как обычно, улыбаюсь ей.

Нас окружает некая неизбежность, но мы понятия не имеем о ее присутствии. Завтра утром мы будем сидеть за завтраком в столовой, как обычно, и только тогда поймем, что кого-то из нас нет. В кампус приедет полиция. Огни «Скорой помощи» будут мигать, озаряя заснеженный лес. Мы станем смотреть, как тело увозят на носилках, а полиция прикажет нам оставаться на месте.

Они будут задавать нам вопросы о том, что произошло минувшим вечером и ночью. Наши воспоминания будут разрозненными. Мы напились до потери разума, как типичные студенты колледжа. Они будут смотреть на нас, решая, верить нам или нет.

Они будут правы в том, что усомнятся.

У всех нас есть тайны относительно этого дня, и наша группа распадется еще до начала выпуска. Головоломка с выпавшей деталью рассыплется на отдельные кусочки.

Руби говорит о холоде, о Прыжке, об адреналине, но я слышу только слово, которое мой отец шепотом произнес на прощание. Оно бьется у меня в голове:

«Притворяйся».

Глава 1

Первый курс

Эти первые недели в Хоторн-колледже представляются мне книгами, плотно стоящими на полках и аккуратно расположенными по жанрам. Я гадаю, помнят ли другие их так же, как я. Кусочки и частицы воспоминаний, разрозненные моменты, то, что мы сказали, то, что мы сделали. Причины, по которым мы сдружились, возникли именно в эти первые несколько дней. Беспокойство и неуверенность связали нас воедино.

После того как мои родители отнесли вещи в мою пустую комнату и сопроводили меня в столовую, я оказалась в одиночестве. Я никого не знала; в комнате я жила одна. Это напомнило мне первый день в детском саду. Туда меня привезла мать, и ее запах остался в воздухе даже после того, как она ушла. Она пользовалась духами, запах которых неразрывно связан у меня с детством — каждое воспоминание пронизано этим ароматом. Я сидела за одним из маленьких общих столиков, тихая и спокойная, в то время как другие дети в группе паниковали, плакали и кричали, закатывали истерики. В колледже было примерно то же самое, не считая этих «показательных выступлений». Ведь теперь все были почти взрослыми и умели скрывать свой страх — но он грыз их изнутри, и я видела в их глазах такую же панику. Все они гадали, подружатся ли с кем-нибудь, найдут ли себе место среди тех, с кем предстоит провести следующие четыре года своей жизни.

Я смотрела на блестящую новенькую столовую — ее строительство было завершено только к концу лета, — и стеклянные стены отбрасывали мне в глаза теплые блики. Приклеенные с обратной стороны плакаты рекламировали различные студенческие клубы и спортив-

ные мероприятия. Я подумала о своих родителях, которые, наверное, уже пересекли границу Мэна и Нью-Гэмпшира, с разрешенной скоростью ведя машину по шоссе 95 к Бостонскому аэропорту. Отец, скорее всего, был за рулем, а мать смотрела в окно на мелькающие мимо деревья, гадая, скоро ли поворот.

Первым я познакомилась с Джоном — еще до того, как все остальные вошли в мою жизнь в Хоторне. Все с первого же дня считали меня лучшей подружкой Руби, ее вечной спутницей. Я не спорила с этим. И кроме того, люди тянулись к Руби, а не ко мне; ее каштановые волосы, стянутые в упругий «конский хвост», и задорная улыбка привлекали всех. Все хотели быть поближе к такому совершенству. Люди полагали, что она выбрала меня в друзья, каким-то образом заметив среди целой толпы девчонок. Но на самом деле это я выбрала ее.

Столовая была набита студентами-новичками, кое-кто протискивался мимо в поисках свободных мест. Я стояла неподвижно, оценивая, какие варианты у меня есть. Студенты представлялись друг другу, рассказывали о том, как провели лето. Я еще не решила, на какое место сесть. Что-то важное начнется не раньше чем через несколько минут. Я могу взять себе кофе в киоске снаружи. Повернулась на каблуках и вышла, тоскуя по открытому пространству и свежему воздуху.

— Холодный кофе, — сказала я бариста, стоящей за прилавком. Она выглядела старше меня; должно быть, это была ее подработка в кампусе. Третьекурсница, наверное. — Черный, пожалуйста.

— То же самое, — произнес голос позади меня. Я оглянулась через плечо, и мне пришлось посмотреть вверх, чтобы увидеть лицо обладателя этого голоса. Обычно я редко чувствовала себя настолько низкорослой.

Ясные голубые глаза взирали на меня сверху вниз. Он улыбался очаровательной хитрой полуулыбкой, лицо у него было красивое, из-под бейсболки торчали густые белокурые волосы. Я снова повернулась к бариста, быть может, слишком поспешно. Она тоже смотрела на него, пока он не кашлянул, — и тогда протянула нам по стакану с кофе.

— Я плачу, — заявил он и, прежде чем я успела запротестовать, протянул через прилавок четыре доллара.

— Э-э... ну... — промямлила я. — Спасибо. В этом действительно не было необходимости.

— Нет проблем, — отозвался он. — Держи друзей близко. А врагов — еще ближе, правильно?

Я смотрела на него в замешательстве. Губы его изогнулись в озорной улыбке.

— Стикер, — сказал он, указывая на мою сумку. — «Тексанс»? — Указал на свою бейсболку. — А я болею за «Джайантс»¹.

Я посмотрела на свою сумку. Мой отец прилепил этот стикер на нее после того, как прошлой зимой «Тексанс» выиграли два раза подряд. Это было круто, потому что обычно они проигрывали с разгромным счетом. Отец был в восторге, сиял, как мальчишка. Я не видела его таким со своих детских лет, поэтому не стала сдирать стикер с сумки, боясь, что его лицо снова станет горестным.

— Верно. «Тексанс», вперед! — ответила я. — Но не думаю, что твоей любимой команде что-то особо грозит.

— Ну, никогда не знаешь, а вдруг в команду попадет хороший игрок? — отозвался он, подмигнув.

Разговаривал он в расслабленной, подростковой манере. Чуть вразяжечку, с теплыми интонациями. Я слег-

¹ «Хьюстон Тексанс» и «Нью-Йорк Джайантс» — футбольные клубы (американский футбол).

ка улыбнулась, надеясь, что эта улыбка выглядит милой и благодарной. Но на самом деле я была в раздражении. Я ненавидела быть перед кем-то в долгу. Особенно перед такими парнями, которые — я уже точно это знала — дадут мне какую-нибудь милую кличку и, встретившись со мной, будут здороваться по-приятельски. Или вскинут ладонь, предлагая мне хлопнуть по ней, или выставят кулак — мол, стукнемся? — и заранее никогда не угадаешь. Я предпочла бы купить себе кофе сама.

Он придержал передо мной дверь в столовую, и я проскользнула внутрь, спеша уйти подальше, чтобы нам не пришлось продолжать разговор.

— Джон! — окликнул его кто-то со спины, и Джон-фанат-«Джайантс» отпустил дверь, позволив ей закрыться и разделить нас. Сам он при этом уже лениво пожимал руку другому парню, одновременно хлопая его по спине. Они походили на спортсменов, движения у них были изящные и точные, несмотря на легкую расхлябанность, ощущавшуюся в обоих. Голени у них были загорелыми только частично, граница загара была четко видна. «Американский футбол», — предположила я.

Я встала в очередь за информационными брошюрами для первокурсников, наблюдая за парнями через стеклянную дверь и гадая: познакомились ли они только что или на какой-нибудь игре, а может быть, были знакомы с детства? Было любопытно смотреть, как люди контактируют друг с другом, смотреть, как они решают — что сказать, что сделать? Первое впечатление — самое важное. Я считывала язык их тел, отмечала попытки выглядеть беспечными. Тоже попыталась расслабить плечи, но они застыли в постоянном напряжении.

Мы с Джоном встретились глазами, и его губы сложились в двусмысленную улыбочку, которую мне пред-